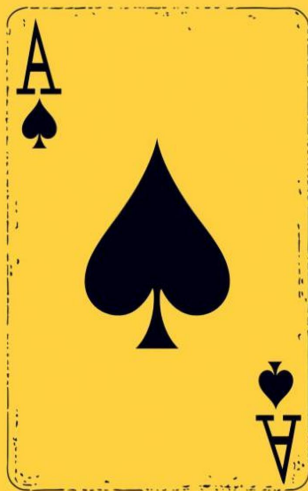

Александр Восьмой

Книга 4. «Прима Идёт ко Дну»

Александр Восьмой

Книга 4. «Прима Идёт ко Дну»

<https://litres.ru/74427972>

SelfPub; 2026

Аннотация

Гордость — плохой попутчик в Разломе. Прима всегда верила, что сильнее других. Умнее. Ярче. Но Разлом не ценит силу — он её ест. Когда группа спускается на Дно Разлома — заболоченную низину, где вода течёт вверх, а рыбы молчат на дне, — Прима оказывается одна. Не потому что отстала. Потому что другие вдруг перестали её видеть. Не слепнут — просто не замечают, как будто её стёрли из памяти мира. Сиринити единственная слышит крик Примы — но не может объяснить остальным, что Прима всё ещё здесь. А на Дне кто-то ждёт. Кто-то, кто помнит всех героев лучше, чем они себя. Кто-то, у кого их тени — в коллекции.

Александр Восьмой

Книга 4. «Прима Идёт ко Дну»

Глава 1. Семеро у Края

Ветер на краю Разлома не шептал — он выл, будто пытался предупредить тех, кто не умел слушать. Семь фигур застыли у самой кромки, где земля обрывалась в бездну, будто кто-то одним резким движением разорвал мир пополам.

Мужик Оптима молча проверял узлы. Его пальцы двигались быстро, уверенно, без лишней суеты. Он не любил слов — считал, что верёвка, выдержавшая вес, скажет больше любой клятвы. Рядом Фаргус крутил в руках компас. Стрелка бешено металась, будто сходила с ума, и Фаргус усмехался — так, словно безумие стрелки было самой смешной шуткой на свете. Он будто знал что-то, чего не знали остальные, но не спешил делиться.

Даффи Толстяк жевал кусок вяленого мяса и делал вид, что просто утоляет голод. Но глаза его скользили по трещинам в скалах, считали каждую выбоину, каждую неровность, словно эти линии складывались в тайное послание. Окси присела на корточки и чертила на пыльной земле схемы — линии, стрелки, возможные маршруты. Она не верила в удачу, только в расчёты. Если путь можно было начертить,

значит, он существовал.

Сиринити стояла чуть в стороне, закрыв глаза. Ветер касался её лица, шептал что-то на непонятном языке, и она кивала в ответ, будто понимала каждое слово. А впереди всех, у самого края, стояла Прима. Её спина была прямой, подбородок поднят, взгляд устремлён в темноту Разлома. Она не боялась упасть — она хотела первой коснуться этой тьмы, доказать, что ничто не может её остановить.

Оптима наконец отложил верёвку и тихо произнёс:

— Кто последним — тот и решает. Это единственное правило.

Никто не стал спорить. В этом месте слова казались слишком хрупкими, чтобы тратить их на пустые возражения.

Фаргус щёлкнул пальцами, будто ставил невидимую точку, Даффи дожевывал последний кусок и тяжело вздохнул, Оксид аккуратно засыпала песком свои схемы — словно прятала их от чужих глаз. Сиринити открыла глаза и едва заметно кивнула ветру, будто прощалась. Прима сделала шаг вперёд. Ещё один. Ещё.

И тогда Разлом ответил.

Не грохотом, не лавиной — тишиной. Такой абсолютной, что даже эхо боялось родиться. Земля под ногами дрогнула, будто вздохнула, и спуск начался.

С каждым шагом воздух становился тяжелее, будто небо решило лечь на плечи. Тени удлинялись, но не так, как по-

ложено — они тянулись не от людей, а к ним, словно хотели обнять и утянуть глубже. Прима шла первой, уверенная, что ведёт остальных. Но если бы кто-то обернулся, он бы заметил: её тень была чуть темнее, чуть плотнее, чем у всех остальных. И будто смотрела не вслед за ней, а вперёд — туда, куда они ещё не дошли.

Разлом не просто принимал их. Он пробовал их на вкус.

Когда группа достигла Дна, мир перевернулся. Вода текла вверх, будто хотела сбежать из этого проклятого места. Рыбы лежали на дне неподвижно, словно уснули и забыли, как дышать. Воздух пах ржавчиной и забытыми обещаниями.

Прима остановилась и повернулась к остальным, чтобы сказать что-то резкое, что-то уверенное. Но слова застряли в горле. Потому что в глазах друзей она увидела пустоту. Не страх, не усталость — просто отсутствие. Как будто её там не было.

— Эй! — крикнула она, голос прозвучал слишком громко в этой неестественной тишине.

Никто не вздрогнул. Оптима поправил верёвку, Фаргус снова крутил компас, Даффи достал ещё один кусок еды, Ок-си нахмурилась, глядя на несуществующую карту, Сиринити слушала ветер, который вдруг замолчал.

Только Сиринити дёрнулась, будто услышала крик сквозь толщу воды. Она повернула голову, прищурилась, попыталась поймать взгляд Примы — но воздух перед ней был пуст.

— Я здесь! — закричала Прима, уже не сдерживая пани-

ки.

Но для остальных она уже исчезла. Не в темноте. В их памяти.

А из глубины болот, из самой сердцевины Разлома, кто-то улыбнулся. Тот, кто коллекционировал тени. Тот, кто знал их всех лучше, чем они знали себя. И теперь он ждал, когда они сами придут к нему — по одному, по двое, пока не останется никого, кто помнит, как их звали.

Глава 2. Стены, которые дышат

Тоннель сжимался и разжимался, будто Разлом учился дышать. Каменные стены не просто двигались — они прислушивались. Фаргус первым заметил тепло: камень под ладонью был живым, как шкура зверя после долгого бега. Он провёл пальцами по шероховатой поверхности и тихо хмыкнул:

— Он тёплый. Как будто внутри что-то горит.

Даффи Толстяк приложил вторую ладонь, нахмурился, задержал дыхание. Сквозь камень до него дошёл низкий гул — тяжёлый, утробный, будто где-то глубоко внизу что-то медленно перемалывало само себя.

— Слышу, — пробормотал Даффи. — Будто сердце, только... неправильное. Не в такт.

Окси присела, достала из сумки кусок угля и начала чертить на полу. Линии ложились быстро, чётко, как приказы. Она замеряла время, кивала сама себе, хмурилась, стирала

и чертила заново.

— Каждые двенадцать минут стены расширяются, — сказала она, не поднимая глаз. — А каждые семь — сужаются. Двенадцать и семь. Это не ритм. Это противоречие.

Прима фыркнула, скрестила руки:

— С каких пор камни боятся лун? Это просто трещины, просто ветер гуляет.

Она шагнула вперёд, будто хотела доказать, что не боится ни ритмов, ни противоречий. Но стоило ей сделать шаг, как тень её рванулась вперёд — не следом, а раньше, будто сама спешила уйти от хозяйки. Прима этого не заметила. Зато заметила Сиринити.

Сиринити стояла неподвижно, закрыв глаза. Ветер здесь был другим — он не шептал, не свистел, не звал. Он молчал. И в этой тишине Сиринити слышала то, что не могли услышать остальные: как камень глотает звуки, как воздух становится тяжелее с каждым вдохом, как само пространство решает, кого ему помнить, а кого — забыть.

Оптимист молча проверил верёвку, перекинул её через плечо. Его лицо оставалось спокойным, но пальцы чуть крепче сжимали узел. Он не любил загадок, которые нельзя потрогать, но любил людей, которых можно прикрыть.

— Держитесь ближе, — сказал он тихо. — Если стены решат, что мы лишние, пусть сначала попробуют дотянуться до всех сразу.

Фаргус усмехнулся, покрутил в руках бесполезный ком-

пас:

— Знаешь, Оптима, мне кажется, этот Разлом не хочет нас убить. Он хочет с нами поговорить. Просто мы не понимаем его язык.

Прима хотела снова возразить, хотела сказать, что тут не о чем говорить — тут надо идти. Но слова застряли у неё в горле. Потому что в этот момент она почувствовала, как её будто слегка стёрли — не с лица земли, а из внимания остальных. Оптима смотрел сквозь неё, проверяя крепления. Даффи жевал, но взгляд его скользил мимо. Окси чертила, будто Примы и не было рядом. Даже Фаргус улыбался так, словно разговаривал с кем-то другим.

Только Сиринити вдруг распахнула глаза и посмотрела прямо на Приму. В её взгляде мелькнуло узнавание — и страх.

— Ты здесь, — прошептала Сиринити, будто боялась, что если скажет громче, мир решит, что ей послышалось.

Прима открыла рот, чтобы ответить, чтобы крикнуть, чтобы заставить всех увидеть её. Но прежде чем она успела вымолвить хоть слово, стены снова дрогнули. Тоннель сузился, камень выдохнул тёплый, пахнущий ржавчиной воздух, и в этом выдохе прозвучал чужой голос — не словами, а ощущением: «Ты мне нужна».

И Прима вдруг поняла: Разлом не ел силу. Он ел гордость. Он забирал тех, кто думал, что может идти впереди всех.

Стены снова расширились, будто сделали вдох. И в этом

вдохе что-то скользнуло мимо, холодное и внимательное — то самое, что коллекционировало тени. Оно знало их всех лучше, чем они знали себя. И теперь оно выбирало, кого забрать первым.

Глава 3. Лес вверх ногами

Первый уступ встретил их лесом, вывернутым наизнанку. Деревья росли корнями в небо, будто хотели вырваться из камня, а кроны впивались в землю, словно боялись оторваться. Чёрная листва не была мёртвой — она шевелилась, будто дышала, хотя ветра не было. Казалось, сам воздух здесь был слишком густым, чтобы двигаться.

Фаргус протянул руку и коснулся ствола. Кора под пальцами была не твёрдой, а упругой, как натянутая кожа. Под ней что-то двигалось — не дерево, а нечто, сплетённое из жил и сухожилий. Он резко отдернул руку, будто обжёгся, и тихо выругался:

— Это не лес. Это... что-то другое.

Даффи Толстяк нашёл грибы. Они светились не холодным синим, а багровым, злым светом, будто внутри них тлело раздражение. Он потянулся было сорвать один, но Оптима шагнул вперёд и резко бросил:

— Не трогайте.

Слишком поздно. Окси уже сорвала гриб. Тот не раскрылся в пальцах, не рассыпался — он зазвучал. Тонкий, пронзительный голос, похожий на детский шёпот, затрепе-

тал в воздухе:

— Имена. Имена. Дайте мне имена.

Сиринити побледнела и прошептала, почти выдохнула:

— Не отвечайте.

Но Прима уже шагнула ближе, расправила плечи и громко, уверенно произнесла:

— Прима.

Гриб замолчал. И тишина после его голоса была тяжелее, чем сама тьма.

Фаргус заметил то, что никто другой не увидел: тень Примы на стене стала чуть тоньше, будто кто-то осторожно стёр край её силуэта. Он хотел сказать, предупредить, но слова застряли в горле — казалось, если он произнесёт их вслух, это сделает потерю настоящей.

Оптимист молча проверил верёвку, его лицо оставалось спокойным, но в глазах мелькнуло что-то жёсткое — понимание, что они уже не просто спускаются вниз, а входят в чью-то игру.

— Держитесь вместе, — сказал он, и в его голосе не было просьбы — только приказ, который нельзя оспорить. — Здесь нельзя быть одиночкой.

Окси смотрела на гриб, будто пыталась разгадать его, как уравнение. Её пальцы нервно сжимались, а в глазах читался страх — не перед тьмой, а перед тем, что она не может объяснить.

— Он не просил имя просто так, — тихо сказала она. —

Он его... забирает.

Прима хотела рассмеяться, хотела сказать, что это глупости, что она здесь, она настоящая, её не стереть одним словом. Но когда она посмотрела на остальных, в их взглядах мелькнуло что-то странное — не безразличие, а будто лёгкое сомнение: а была ли она вообще здесь?

Только Сиринити смотрела прямо на неё, крепко сжимая кулаки, будто пыталась удержать реальность на месте.

— Я слышу тебя, — прошептала Сиринити, глядя на Приму так, словно боялась, что если моргнёт, та исчезнет. — Я слышу.

В этот момент лес вздохнул. Чёрные кроны дрогнули, и из глубины уступов донёсся новый звук — не голос, а шёпот множества теней, перекатывающих друг через друга, как камни в потоке. И в этом шёпоте слышалось одно слово, повторяемое снова и снова: «Ещё».

Разлом не хотел их смерти. Он хотел их памяти. Их имён. Их теней.

И он знал, что Прима — самая гордая. Самая уверенная. Самая лёгкая добыча.

Стены уступов дрогнули, будто улыбнулись. И лес вверх ногами потянулся к ним ветвями, похожими на пальцы, которые знали, кого именно хотят схватить.

Глава 4. Дорога забывает

Чем глубже — тем легче забывать.

Фаргус первым заметил, что-то пошло не так. Он остановился посреди ступеней, вырезанных в камне, и нахмурился, будто пытался поймать ускользающую мысль.

— Какой сегодня день? — спросил он, и в его голосе не было тревоги — только растерянность, будто он спросил у воздуха, а не у людей.

Никто не ответил. Даффи Толстяк дожевал сухарь, посмотрел на Фаргуса, потом на свои руки, потом в темноту впереди. Его лицо медленно менялось — уверенность уходила из глаз, как вода из ладоней.

— А мы вообще зачем спустились? — вдруг спросил он, и впервые его голос не звучал лениво. Он звучал по-настоящему испуганно. — Я помню край. Помню верёвки. Но зачем мы внизу... не помню.

Окси молча раскрыла блокнот. Каждая страница была исписана мелким, чётким почерком — схемы, наблюдения, имена, время. Она записывала всё с самого начала спуска. Но с каждой новой страницей блокнот становился тяжелее, будто бумага впитывала не только чернила, а вес того, что Разлом забирал у них по дороге. Окси перелистывала страницы и чувствовала, как пальцы немеют от тяжести.

— Я записываю, чтобы не забыть, — сказала она тихо, не поднимая глаз. — Но боюсь, что скоро блокнот станет слишком тяжёлым, чтобы его нести.

Фаргус хотел улыбнуться — не получилось. Улыбка вышла кривой, будто мышцы лица забыли, как это делается.

Сиринити шла последней. Она единственная, кого ветер ещё не бросил — он не говорил с ней, но хотя бы дышал рядом. И в этом дыхании она уловила перемену: тени впереди стали длиннее, а тишина — жаднее. Она ускорила шаг, поравнялась с Оптимой и спросила, глядя ему в затылок:

— Оптима. Ты помнишь, кто стоит за тобой?

Оптима обернулся. За ним — Фаргус с отсутствующим взглядом, Даффи с недоеденным сухарём, Окси с блокнотом на вытянутых руках. Он кивнул — медленно, уверенно, как человек, который проверяет крепления и находит их целыми.

— Помню. Все на месте.

— А перед тобой?

Оптима повернулся обратно. Посмотрел вперёд. Там, в нескольких шагах от него, стояла Прима. Прямая спина. Поднятый подбородок. Руки сжаты в кулаки. Она смотрела на него — ждала, что он назовёт её имя, подтвердит, что она есть, что она настоящая, что она всё ещё здесь.

Оптима смотрел. И не видел.

Пауза длилась вечность. Или три удара сердца — здесь это было одно и то же.

— Передо мной — дорога, — сказал он.

И ушёл вперёд, к этой дороге, перешагивая мимо Примы, будто обходя камень.

Сиринити побледнела так, что даже в темноте это было заметно. Она схватила Оптиму за рукав, но он не понял —

зачем. Посмотрел на неё с тем спокойным недоумением, с каким смотрят на человека, который смеётся без причины.

— Что? — спросил он.

Сиринити разжала пальцы. Отпустила.

Прима стояла на месте. Она не кричала. Не бежала. Она просто смотрела, как Оптима — человек, который проверял верёвки ради неё, который молчал, потому что молчание было его заботой, — проходит мимо, как мимо пустого места.

Она ещё не поняла, что стала пустым местом.

Но Разлом уже понял. И принял.

Где-то далеко внизу, на Дне, где вода текла вверх, а рыбы молчали, что-то шевельнулось. Тень Примы — та самая, что становилась тоньше с каждой главой — наконец отделилась от хозяйки. Не упала, не растворилась. Просто ушла. Будто её позвали.

И тот, кто позвал, улыбнулся. Потому что у него в коллекции стало на одну тень больше. А у Примы — на одно имя меньше.

Глава 5. Вода, которая течёт вверх

Дно Разлома встретило их не тьмой — влагой. Воздух был настолько пропитан водой, что каждый вдох ощущался как глоток. Болото расстилалось впереди, но не такое, как на поверхности — здесь вода не стояла, а поднималась. Медленно, неотвратно, со дна вверх, как кровь, ползущая по стеклу.

Лужи висели в воздухе. Тяжёлые, дрожащие, прозрачные

шары воды застыли между землёй и небом, будто кто-то забыл включить гравитацию. И в каждом — рыбы. Мёртвые, но не гниющие. Чешуя блестела, плавники застыли, а глаза — глаза были живыми. Они поворачивались следом за каждым, кто проходил мимо, медленно, с терпением существ, которым некуда спешить.

Даффи Толстяк остановился. Впервые за весь спуск его руки были пусты — ни еды, ни сухаря, ни крошки. Он смотрел на висящую перед ним каплю воды, в которой рыба смотрела на него в ответ, и тихо произнёс:

— Я не хочу идти дальше.

Никто не засмеялся. Никто не сказал «надо». Потому что каждый думал то же самое — просто Даффи единственный, кто осмелился это произнести.

Окси присела, раскрыла блокнот, провела пальцем по мокрой земле. Её руки дрожали — не от холода, от веса страниц, которые с каждой записью становились всё тяжелее.

— Вода поднимается на два сантиметра каждые три минуты, — сказала она, и голос её был ровным, как у человека, который повторяет цифры, чтобы не сойти с ума. — Через час мы будем по пояс. Через два — по горло.

Фаргус шёл впереди, скользя по камням, и вдруг остановился. Его фонарь выхватил из темноты тропу — узкую, каменную, выступающую из болота, как позвоночник древнего зверя. Ширина — на одну ступню. Глубина — в никуда.

— Тропа, — сказал он. — Только для одного. По одному.

Оптимист кивнул, снял верёвку с плеча, начал проверять узлы — привычно, молча, как всегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.